

Вырезка из газеты

СОВЕТСКАЯ
ЧУВАШИЯ

г. Чебоксары

28 ИЮН 1979

У нас
на гастролях

БЫТЬ ЗРИТЕЛЮ ДРУГОМ

В Чебоксарах завершаются гастроли Ульяновского театра драмы. Выступления гостей проходят с большим успехом. Об этом свидетельствуют и ежевечерне заполненный зал Чувашского академического драматического театра имени К. В. Иванова, где идут спектакли ульяновцев, и многочисленные отзывы зрителей.

Сегодня мы предлагаем беседу нашего корреспондента с заслуженным артистом РСФСР Георгием Муромским и молодой актрисой Светланой Кузьминской.

— Чебоксарцы проявляют огромный интерес к вашему театру, его репертуару и персонажам можно сказать: они вас полюбили и будут ждать новых встреч с вами. А за что вы любите свой театр?

Муромский: Наш театр, а в нем я работаю вот уже около тридцати лет, мне дорог своими традициями. Конечно, сейчас приходят новые товарищи с какими-то своими видениями тем и проблем, но традиции остаются неизблемыми. Прежде всего это большая творческая отдача того или иного актера и продолжение Ленинианы, которая сейчас, в связи с приближающейся 110-й годовщиной со дня рождения В. И. Ленина, особенно широко будет представлена на нашей сцене. Так что мне этот театр дорог по многим причинам. И я не мыслю себя вне его стен.

Кузьминская: Мне театр дорог, во-первых, потому, что он первый в моей жизни. Во-вторых, у нас редкий театр в том смысле, что в нем много молодежи. Актеров молодых принимают всей душой и доверяют им во всем. Как правило, это доверие оправдывается. А еще театр мне дорог тем, что в нем мои друзья. Словом, это для меня тот коллектив, с которым связаны радости, огорчения и удачи.

— А как вы относитесь к своим выступлениям в гастрольных поездках?

Муромский: Гастроли — это встреча с новой обстановкой, с новым зрителем — вдохновляют актера на большее. Поэтому давать

себе слабину здесь не имеет ни смысла, ни внутреннего какого-то позыва. Напротив, хочется отдать все, что ты имеешь. Не с тем, чтобы сорвать аплодисменты, а чтобы лишний раз проверить себя — на что ты способен. Ведь в своем родном городе и зритель как-то уже знает твои минусы, плюсы, а здесь хочется проверить — так ли это. Лишний раз. И убеждаешься, что самый верный критерий твоей работе дает зритель. А если делать себе какое-то послабление, тогда нет смысла ездить на гастроли.

Кузьминская: На гастролях даже ощущаешь какой-то подъем, особую ответственность. И очень хочется, чтобы эти люди, которые заполнили зал, пришли сюда. Может быть, в поисках какой-то для себя истины, не обманулись в своих надеждах и ожиданиях.

— Когда актера приглашают в кино, на телевидение или радио, он нередко отказывается, если предложенная роль не устраивает. Случается ли подобное в театре, в котором актер работает? Ведь создать запоминающийся образ можно при том условии, если закните, ресовала роль.

Муромский: Да, в моей практике случались такие моменты, когда видение режиссера и мое видение на ту или иную роль, которую мне предлагали, не совпадали. Конечно, мы все работаем и обязаны подчиняться какой-то дисциплине, но ведь есть еще и профессиональная театральная этика. В частности, подобное произошло у меня с «Коварст-

вом и любовью». Пьесу ставил молодой режиссер, я несколько репетиций провел, потом вижу, что его взгляд на спектакль расходится с моим. Подхожу к нему и говорю, что в этом спектакле мы не сработаемся, при вашей трактовке я не смогу переломить, переубедить себя. Выслушал он меня и говорит, да, я вас понимаю, но мы расстанемся друзьями, встретимся в другой работе. И творческий контакт мы не теряем до сего времени.

Кузьминская: Мне не приходилось отказываться. И не потому, что не было такого желания, скорее потому, что права еще у меня такого нет. Да и вообще в театре как-то не принято, к сожалению, отказываться от роли. Но могу сказать одно: иногда очень обидно получить слабую роль. Это бывает тогда, когда просто-напросто ставим слабую драматургию. Не знаю, кто в этом виноват, но убеждена, что никогда ни один актер не сыграет по-настоящему хорошо ту роль, которая ему не нравится. Он сыграет ее профессионально, он весь выложится, он все постарается сделать, потому что в результате мы, актеры, встречаемся один на один со зрителем, а он, зритель, скажет: так это актер такой плохой, не может играть как следует. Но вот вдохновенно нелюбимую роль актер никогда не сыграет. В убытке же от этого и театр, и актер, и зритель.

— Артист вниманием не обойден: талант своим существованием обязан поклонникам. Его обожают, ему пишут, его требуют, на него надеются и рассчитывают, встреч с ним всегда с нетерпением ждут. В конце концов на артиста равняются — и он подчас открывает на сцене то, что уже давно собирался «открыть» в себе зритель. Стало быть, актеру и в жизни надо оставаться

тем человеком, с которого можно было бы брать пример...

Муромский: Верно, зритель всегда любил актера за определенные работы, он хотел бы походить на него не только на сцене, но и в жизни. Актер являлся в некотором эталоном даже во внешнем поведении. И здесь, мне кажется, в последнее время, особенно это касается молодежи, актеры стали пренебрежительно относиться к своему внешнему виду, своему поведению. Право же обидно, когда молодого актера, которого знаешь по сцене как талантливого, с богатыми внутренними возможностями, встречаешь в жизни, на улице в засаленных джинсах, с неоправданными длинными волосами, причем бравирующего этим своим «независимым» видом. Ведь у зрителя, истинного поклонника театрального искусства, меняется к этому актеру отношение. Конечно, в идеале должно быть так: если актер преподает со сцены какие-то уроки нравственного порядка, то он и сам должен быть таким. Что и говорить, это встречается не столь часто, но стремиться к нему надо.

Кузьминская: Вспоминается такой случай. Не то в Череповце, не то в Вологде девушка, вернее, девочка лет 14—15, преподнесла мне цветы, а в букете — письмо. Пишет, что увидела во мне друга, что ей хочется быть похожей на меня и все в таком духе. Весьма трогательное письмо. Вот в такие минуты начинаешь понимать, какая на тебе ответственность, что ты, может быть, не имеешь даже права о каких-то вещах говорить со сцены, если ты не стоишь их как человек. Я почему-то вдруг впервые всерьез задумалась на эту тему и поняла, что мы часто

не придаем значения тому, что о нас думают. Порой мы рассуждаем так: мы, актеры, здесь — на сцене, а зритель там — в зале. А это, оказывается, обманчивое суждение.

— Завершая наш разговор, хотелось бы задать еще один вопрос: чем вам запомнится чебоксарский зритель?

Муромский: Редко приходится встречаться с таким доброжелательным отношением зрителя. И чувствуется, что это не только к нам. Вообще, ваш зритель очень интересен. Он непосредственно воспринимает то, что происходит на сцене, и искренне переживает все это вместе с актером. Это очень богатая черта зрителя.

Кузьминская: Я полностью присоединяюсь к словам Георгия Николаевича.

— Что ж, это приятно слышать. Но ведь в том, что зритель вот такой, «виноваты» вы с вашими интересными спектаклями, с вашей прекрасной игрой...

Кузьминская: Ну, знаете ли! Ведь вначале-то он не знал, какие мы, а все равно с самых первых слов, произнесенных со сцены, было ясно, что он к нам всей душой. И после этого уже играть плохо было невозможно. С самого первого дня стало понятно, что это не те люди, которые пришли, сели в кресло и говорят: ну-ка, давайте, поглядим, какие вы такие? Так, кстати, случается. Но здесь иное дело, чувствуется, что зритель доброжелателен, он не просто проявляет любопытство к новому коллективу, а хочет извлечь что-то полезное, нужное для себя из того, что мы показываем. И если мы кому-то хоть немного помогли, можем считать свою поездку успешной.

— Нет сомнений, что это так. Новых вам успехов!

— Спасибо.

Вел беседу
Н. ПЕЙКОВ.